

ГЛАЗАМИ ДОЧЕРИ

Пьеса Юлии Белозубкиной «Что с тобой теперь?» написана в рамках Мастерской молодой драматургии и режиссуры «Исторические лица», которую мы с Ольгой Михайловой проводили в 2018 году при поддержке Театра Российской армии, за что мы очень благодарны главному режиссеру ЦАТРА Борису Афанасьевичу Морозову и вдохновителю нашей Мастерской Милене Авимской. Драматурги должны были выбрать одну из шести тем, предложенных театром, о видном отечественном деятеле или событии. Николай Ермохин писал о первом дне войны, Анна Гейжан — об августовском путче, Алексей Синяев — о последнем дне жизни Берии, Иван Гут — об освоении Арктики, Дмитрий Ретих — о бароне Унгерне и Гражданской войне на Дальнем Востоке. Все пьесы получились очень серьезные и глубокие. Одну из них мы хотим представить вам.

Вообще работа над исторической пьесой — огромная ответственность, сопряженная с целым рядом трудностей и подводных камней. Нужно досконально изучить материал, чтобы не исказить факты, выработать свое личное мнение о том или ином событии или деятеле. И наконец, важно найти необычный ракурс, интересно, ярко раскрыть тему, чтобы зритель был эмоционально вовлечен в повествование, а не заснул от переизбытка биографических подробностей.

Все предложенные темы были сложными. Но подступиться к биографии Тухачевского было особенно тяжело. Надо сказать, Юлия Белозубкина предложила действительно необычное решение, фактически поэму без героя. В результате в пьесе «Что с тобой теперь?» жизнь и смерть Тухачевского показана глазами его дочери. Мы видим ребенка, которого отдали в детский дом после того, как папу расстреляли, а маму сослали в лагерь. Ровесники издеваются над Светланой, ведь она — дочь врага народа, а привыкла быть практически принцессой. И тут она понимает, что папа не идеал, он травил газом людей, изменял маме, имел другую дочку на стороне с таким же именем! Но когда учительница требует отречься от отца, она не отрывается!

Это очень важная пьеса, особенно для молодежи и подростков, которые в большинстве своем имеют весьма смутное представление о страшном времени репрессий. Показательно, что даже юные антеры из детской студии Театра Армии, задействованные в первой постановке эскиза спектакля, понятия не имели, кто такие враги народа. А ведь это интеллигентные, начитанные, тонко чувствующие ребята. Что уж говорить об остальных. Сейчас острый дефицит пьес о нашей истории, рассказанных простым, понятным для подростков языком. На мой взгляд, пьеса Юлии Белозубкиной — отличный материал для театров юного зрителя. Надеюсь, пьеса будет пользоваться большим зрительским успехом.

Елена Исеева

Света (*горячо*). Я верю, что там разберутся, должны разобраться.

Натя. Светка, ты такая оптимистка, что аж тошнит.

Света. Главное – мы же увидим наших мам. А если нас к ним решили пустить, значит, уже что-то движется...

Света замечает, что Мира всхлипывает.

Света. Ты что?

Мира. Я маму обидела.

Натя. Ну, начинается...

Мира (*сквозь слезы*). Мама мне суп сварила из потрошков. Обменяла на базаре свою любимую брошку на курицу и сварила. А я его есть не смогла. Все представляла, как это куриное сердечко билось...

Натя (*дурашливо*). ...И любило.

Мира. Я капризничала, а мама вся на нервах была и влепила мне пощечину. А я ей: «Папы нет, а ты меня бьешь». Мама на меня так посмотрела, как будто подстрелили ее... Два дня не вставала с постели, плакала.

Натя. Подумаешь! Чего не бывает между родственниками! Вот увидишь маму – предложишь ей суп из своей канарейки.

Света обнимает Миру.

Света. Мира, не слушай ее. Она контуженная.

Натя (*с вызовом*). А вы нет?

Света. Мы тоже. Но давайте хотя бы не есть друг друга. И потом нам все равно сейчас лучше, чем нашим папам.

Натя (*жестко*). Папам уже никак.

Света (*достает платочек с красной звездой*). Смотрите, что я маме вышила.

Мира. Красиво. Ой, а я для мамы ничего не приготовила...

Света. Главное – она тебя увидит!

Мира (*тепло улыбаясь*). Мамочка!

Натя (*оглядываясь вокруг*). Интересно, куда нас привезли? Похоже на дурдом.

Света. Какая разница. Главное – к маме.

Неожиданно врывается яркий свет — как от прожекторов, высветившая девочек. В столовую возвращается лейтенант с учительницей Верой Валерьевной. В дверях топчутся, разглядывая вновь прибывших, детдомовцы. Увидев, что Натя сидит на столе, лейтенант рывком на нее.

Лейтенант. Ну-ка слезла! В шеренгу построились.

Натя (*слезая*). Я вам что – служебная собака?

Мира (*тихо*). Катя, не надо!

Лейтенант. Обезьяна. До собаки не доросла.

Девочки послушно строятся в шеренгу.

Лейтенант (*читает*). Тухачевская!

Света. Я!

Лейтенант. Уборевич!

Мира. Я!

Лейтенант. Иваненко!

Натя. Я!

Лейтенант (*оглядывая их*). Ну, все на месте. Идите знакомьтесь с новыми товарищами.

Девочки ошарашены.

Натя. Какими еще товарищами?

«Новые товарищи» угрюмо оглядывают их, кто-то свистит. Вера Валерьевна идет навстречу девочкам.

Вера Валерьевна. Прибыли, значит. Меня зовут Вера Валерьевна.

Мира (*отступая назад*). А где мама?

Лейтенант. Советская власть теперь – ваша мама.

Девочки, волнуясь, говорят наперебой.

Света. Как? Нам же обещали...

Мира. Сказали, что мы едем к маме.

Натя. Это нечестно!

Вера Валерьевна (*рывает*). Молчать! Это кто тут про нечестно говорит? Да вас

закопать надо было всех до седьмого колена. Вместе с папами вашими и мамами. Советская власть вам поверила, а вам еще доказать надо, что право имеете здесь находиться. Вымолить это доверие. Мам им подавай!

Девочки, испуганные криком учительницы, жмутся друг к другу. Детдомовцы злорадно скалятся.

Сеня. Гадюки приползли! Мочи клюкву!

Степан — рослый мальчик из стайки детдомовцев — стреляет из рогатки и попадает в клетку с нанарейной. Птица испуганно вскрикивает и мечется по клетке. Мира обнимает клетку, хлопочет над своей любимицей.

Детдомовцы радостно ржут.

Вера Валерьевна (*кричит*). Прекратить!
Голоса из толпы. Так они ж шпиены! Враги народа!
Лейтенант. Отставить! У нас сын за отца не отвечает.

Сеня. Так это сын.

Лейтенант. И дочь тоже. Это кто там такой умный? У нас для таких самородков колония есть: там быстро мозги вправляют.

Сеня молча отступает назад.

Света. Мой папа — не враг!

Сеня (*ржет*). Ну да, он друг всех советских детей.

Вера Валерьевна. Так, ладно, скоро отбой. Ну-ка пошли за мной.

За спиной Веры Валерьевны Сеня показывает неприличный жест. Девочки не двигаются с места, в ужасе глядя на мальчишен. Лейтенант подталкивает Миру, но она словно окаменела, вцепившись в клетку.

Лейтенант. Уборевич, иди давай. Или тебя на руках нести?

Он пытается сдвинуть Миру, но она упрямо стоит на месте. Тогда он выдирает у нее из рук клетку и передает ее Вере Валерьевне. Птица кричит и в ужасе машет крыльями. Мира подбегает к ней.

Мира (*плача*). Мама! Мамочка!

Вера Валерьевна. Так, сопли утерла. (*Ужоризненно*.) Ну, как не стыдно — здесь же мальчики. Смотрят на тебя. Вся красная, растрепанная. Это мама тебя научила себя так вести? Яблоко от яблони...

Мира закрывает лицо руками. Света обнимает ее, пытаясь утешить.

Света. Зачем вы так? У Миры очень хорошая мама.

Вера Валерьевна. Не сомневаюсь. Лучше только папа. (*Ядовито*.) Был. Ну-ка марш за мной, а то на улице заночуете.

Света берет Миру под руку, что-то ей говорит на ухо. Мира послушно кивает.

Из динамика доносится бравурный советский марш. Девочки, подхватив вещи, понуро выходят из столовой, проходя, нан сквозь строй, мимо злорадно ухмыляющихся детдомовцев.

В проеме кухни появляется Маша, женщина лет 40, в белой носынке и поварском халате. У нее простое деревенское лицо и цепкий взгляд темных потухших глаз. Оставаясь незаметной для девочек, она внимательно смотрит им вслед. А когда они уходят, берет чайник, выливает кипяток на то место, где они стояли, и принимается ожесточенно тереть его шваброй.

Женский голос (*из кухни*). Маш, ты чего там наяриваешь? Нюрка же мыла сегодня.

Маша (*кашляет*). Ничего, чише будет.

Покрывать подлые дела — так же гнусно, как и их совершать. Особенно это касается тебя, Тухачевская. И твою позицию по отцу, которого ты так же покрываешь, мы проясним.

Света вцепляется в рукав Степана, пытается отнять миску. Степан ловко перекладывает миску в другую руку, поднимает ее над головой.

Степан. Что, папка-то больше не кормит?

Света. Замолчи!

Степан. Понятны ваши огорчения. Небось не постные щи-то хлебали. Сколько ему отвалили, чтоб Сталина убить?

Света. Не смей!

Она в ярости толкает Степана. От неожиданности он роняет миску. Суп выплескивается прямо ему на голову.

Степан. Сдурела, тварь?

Мальчишки смеются, глядя, как он пытается стряхнуть с себя ошметки напусты.

Сеня. Накормила, напоила...

Степан в бешенстве берет Свету за плечи, встряхивает.

Степан. Зажралась совсем?

Света. Пусти!

Света вырывается — платье рвется по шву, обнажая плечо. Сеня радостно ржет.

Сеня. Степ, ну ты сладострастник... Может, не здесь?

Степан смущенно отпускает Свету, она обхватывает себя руками, пытаясь закрыться.

И Свете подскакивает Мира, обнимает ее, возмущенно смотрит на Степана.

Мира. Как тебе не стыдно! Мне папа говорил (*осекается*). Мужчина должен защищать женщин, а ты...

Сеня. Твой папа — предатель!

Степан. А вас, гнид, давить надо, чтоб неопасно было.

Света. Ну давай — дави, что ж ты остановился?

В столовую заглядывает Вера Валерьевна.

Сеня (*ребятам, негромко*). Атас, Выдра!

Вера Валерьевна. Почему не на уроке?

Она спотыкается о пустую миску, валяющуюся на полу, замечает напусту в волосах Степана.

Вера Валерьевна. Это что такое? Корнеев, кто это сделал?

Степан молчит.

Вера Валерьевна. Ну что, в молчанку будем играть? Все сытые стали — суп не нужен? Так я Маше скажу, а то она уже с ног сбилась, как вас накормить. Продуктов не хватает, а они...

Вера Валерьевна замечает, как Света прикрывает порванное платье. Подходит к ней, убирает ее руку.

Вера. Та-ак, замечательно. Платье нам тоже советская власть новое сошьет... Корнеев, твоя работа? Тухачевская, это он сделал?

Степан и Света молчат.

Степан. Меня батя учил никого не заклады-
вать.

Света. Вот и меня тоже.

Степан. Да чему он там тебя научить мог?
Предатель.

Света. Папа никого не предавал.

Степан. А кто ж тогда все это устроил? Вот,
к примеру, у нас в деревне были
такие, которые хорошо жили. Всего
вдоволь – и скотины, и зерна, и кар-
тохи, дом справный...

Света. Кулаки, что ли?

Степан. Вот слово это идиотское. Работать
просто умели и вкальвали больше
других. А были такие – рвань под-
заборная, ни кола ни двора, только
бражку трескали. И что? Все отобра-
ли, всех в один колхоз согнали. Да
здравствует всеобщее равенство!

Света. А ты, значит, против? Ты там в сво-
ем самом богатом доме объедаться
будешь, а кто-то – голодать?

Степан (*теряется*). Почему я? Я не за себя.
И потом, кому бы говорить про бо-
гатый дом. Эти красноперые так все
обтяпали, что в итоге голодали все.

Света. Ты что, против советской власти?

Степан. Я против вредителей типа папаши
твоего. Ленин-то все правильно
хотел сделать, а эти палки в колеса
ставили. Но ничего, и до них добра-
лись. Разоблачили...

Света. Да что ты такое говоришь! Когда
в Ленина стреляли, папа воевал, жиз-
нью рисковал. Он Владимиру Ильичу
телеграмму отправил: за одну вашу
рану взят Симбирск, за другую будет
Самара...

Степан забирает у Светы швабру.

Степан. Ну, кто так моет? Только грязь раз-
мазывает.

Степан полощет тряпку в ведре
и умело наматывает ее на швабру.

Степан. Не люблю, когда меня дурят. Вот
говорят же, что у нас в стране
все равны. А выходит, что нет.
Ты вот не знаешь, с какой стороны
к свинье подойти, корову никогда

не доила – вон даже полы помыть
толком не умеешь. А я вставал в че-
тыре утра, чтобы дров наколоть,
скотине дать...

Света. Ну, можешь радоваться: наступила
твоя мировая справедливость. Только
разве она в том, чтобы все полы вме-
сте мыли и корову доили?

Степан. Да можете не доить. Только не врете
хотя бы.

Света. Если хочешь знать, моя бабушка,
папина мама, была крестьянкой и все
это умела делать.

Степан. С чего бы? Он же вроде белый был? Из
этих – из бывших.

Света. Не белый. Тогда все военные царю
присягали. Дедушка, папин папа, был
дворянином и влюбился в крестьянку,
бабушку Мавру.

Степан. Понятно. Обрюхатил и бросил?

Света. Почему бросил? Женился, у них
девять детей было – вместе с папой.
Тогда такие браки называли мезаль-
янсом. И папе мешало его происхо-
ждение: в Семеновский полк, о кото-
ром он мечтал, брали чистокровных
дворян. И чтобы поступить туда, ему
нужно было стать лучшим в училище.
И он им стал.

Степан. Чистокровных – слово-то какое.
Как лошадей прям отбирали. Теперь
понятно, почему он Сталина хотел
убить. Для виду тогда переметнулся,
а на самом деле...

Света. Хватит уже!

Света топает ногой по полу, отсту-
пает назад и случайно опрокиды-
вает ведро. Спешит его поднять, но
поздно: огромная лужа растенает-
ся по полу.

Света. Ой, прости, я случайно...

Степан. Твою мать! Вот сама и мой!

Степан бросает швабру и выходит
из столовой. Света неумело пыта-
ется собрать тряпной воду.
Из кухни выходит Маша, с непри-
язнью смотрит на Свету, которая
ползает по полу, не замечая ее.
В руках у Маши — мисна с картош-

ной и ножик. Одна картошина падает на пол. Света видит Машу.

Света. Маша, ты?

Маша. А то кто ж. Руки бы тебе повыдергивать! *(Кашляет.)* Грязь развела.

Маша садится за стол, начинает чистить картошку.

Света *(чуть не плача)*. Маша, почему ты ругаешься? Почему вы все на меня ругаетесь? Когда был жив папа...

Маша. Не привыкла еще? Картоху подними.

Света поднимает картошину и протягивает ее Маше.

Маша. Его и благодари, папку-то. Он у тебя изверг был, а тебе аukaется. Кровь на нем, много крови! Сколько безвинных душ погубил.

Света. Это неправда!

Маша. Опять неправда! Ты про баб-то его узнала? Тоже ж не верила. А про жену первую, которая самоубилась, не слыхала? Люди говорят, он даже не похороны не приехал.

Света ожесточенно трет пол.

Света. Она мешки с продуктами родственникам посылала. А все голодали.

Маша *(кашляет)*. Ну, ты-то не голодала?

Света. Меня еще не было. А папа как узнал об этом, подал на развод.

Маша. Я ж говорю: герой! Наскучила она ему просто – вот и нашел повод отвяжаться. А потом другую дуру нашел – мамку твою.

Света. Не надо так говорить, Маша.

Маша *(кашляет)*. Ну а ты тоже глупости-то не мели: из-за мешков он на развод подал.

У Маши из кармана выпадает кусок застиранной тнани. Света поднимает ее — это детская распашонка. Она удивленно смотрит на Машу.

Света. Маша, это твоя?

Маша молча вырывает распашонку у нее из рук и прячет за пазуху.

Света. Это ж совсем на маленького.

Маша *(кашляет)*. Мой давай, а то плесень заведется.

Маша продолжает чистить картошку, Света ползает по полу у нее под ногами, убирая воду. В какой-то момент Машина руна замирает. Она направляет ножик на Свету, словно примериваясь. Та, словно что-то почувствовав, поднимает голову. Маша продолжает чистить картошку.

7.

Небольшая наморнка Маши. Маша вешает монрую распашонку на веревку, расправляет ее. Достает из шкатулки деньги, пересчитывает, кладет обратно. Подходит к окну, берет с подоконника блюдечко, на котором — кусочки пиленого сахара, начает головой.

Маша. Ванюш, что ж не поел-то совсем? Мне, что ли, берет? Бедовая ты моя головушка. Я вот подумала, не рубаху тебе надо, а костюм. Вот с полочки-то и справлю. Совсем взрослый ты у меня... Светка-то тебя младше на два года. Я прикинула – это он так победу праздновал. Женился, дочку родил. Нешто можно... Или им, людоедам, так положено? Я не знаю, Вань.

В комнату заходят Степан и Сеня с охапками дров. Маша поспешно задвигает распашонку в угол.

Маша. Ноги вытирайте! *(Кашляет.)* Натопчите мне еще.

Ребята послушно вытирают ноги. Проходят, сбрасывают дрова около печки. Пара поленьев отлетает в сторону. Маша берет одно и бьет им Сеню.

Маша. Куда ложишь? Криворукий!

Сеня. Ой! Теть Маш, больно!

Маша. Больно мамке твоей было, а тебе б только придуриваться, холера подзаборная! *(Кашляет.)* Собирай давай!

Сеня, насупившись, пинает дрова и идет к выходу.

Маша поднимает полено и запускает им в Сеню. Тот едва успевает вернуться.

Сеня *(выбегая)*. Ведьма старая!

Степан угрюмо смотрит на нее.

Степан. Зачем так? По больному-то...

Маша. Ишь какие нежные. Здесь у всех все больное. Только вы еще зеленые со всем – оправитесь.

Степан. Он только забывать стал...

Маша. Ну, я ж говорю. Только нешто такое забудешь. Соседи его мамку-то оприходовали?

Степан. Я не знаю.

Маша. У нас-то тоже голод был, но чтоб люди людей ели... Лучше б они его тоже – теперь только мучается парень. И других изводит.

Степан сгребает ногой поленья в кучу.

Степан. Пойду я.

Маша внимательно смотрит на Степана, берет с полки сантиметр.

Маша. Погоди! Ну-ка, поверотись-ка.

Степан. Зачем?

Маша. Надо, говорю.

Маша делает замеры: длину рукава, обхват груди, талии.

Степан. Теть Маш, ты меня усыновить, что ль, решила?

Маша угрюмо смотрит на него.

Маша. Разбежался! *(Подталкивает его.)* Иди давай.

Степан идет к выходу, замечает на веревке распашонку.

Степан. А это чья?

Маша *(кашляет)*. Проваливай, кому сказала!

Степан качает головой и выходит. Маша подходит к окну, берет в рот кусочек сахара.

Маша. Ишь ты – усыновить его! На кой ты мне сдался! Мелькают и мелькают черти – аж в глазах темно. Ванюш, а ты все же поешь, мне одной-то много, да и не хочется. *(Кашляет.)* Я, знаешь, сколько лет уже через силу живу.

В комнату заходит Вера Валерьевна, слышит надрывный кашель Маши.

Вера Валерьевна. Маша, у врача была?

Маша. Когда ж мне – это в город надо ехать.

Вера Валерьевна. Ну вот в среду и отправляйся. Не хватало мне тут еще туберкулези. Скоро комиссия будет, у нас все чисто должно быть.

Маша. Как скажете.

Вера Валерьевна. Скоро Новый год. Надо бы прикинуть, что приготовить, все-таки праздник.

Маша *(амуром)*. Что скажете, то и приготовлю.

Вера Валерьевна. Возможности у нас скудные, конечно. Но надо ребятишек порадовать. Кренделей, может, каких напечь или ватрушек.

Маша. Порадую, если надо.

Вера Валерьевна. Маша, так ты правда у Тухачевских няней работала?

Маша. Ну, работала.

Вера Валерьевна. Я, знаешь, детям-то не говорю, конечно. Но у самой в голове не укладывается. Год назад мы спектакль ставили про наших героев Гражданской войны – и Тухачевский первый был среди них. Блестящий полководец, Колчака разгромил. Мальчишкам его нашим в пример ставили. Ты спектакль-то смотрела?

Маша *(угрюмо)*. Нет, я выходная была.

знал, что мне подарить. То куклу под елкой найду, о которой мечтала, то книжку, то...

Сеня (*зло*). Ну да, нам жрать было нечего, а у них там чудо-дерево...

Света не замечает, как у нее за спиной вырастает Степан в красочной маске Волна, похожей на лик языческого идола. Волк делает знак Петуху.

Света. Мне когда Катя сказала, что Деда Мороза не существует, я ей не поверила: ведь папа все-все угадывал, о чем я мечтала. И я на всю жизнь запомнила, что любить – это значит знать о человеке все, видеть его насквозь. И тогда очень просто сделать его счастливым...

Сеня-Петух кукарекает Свете на ухо — она испуганно вздрагивает.

Петух. Девочка-девочка, а знаешь, кто к тебе пришел?

Света оборачивается и видит Волка, который нависает над ней, как скала. И внезапно сдергивает маску. А под ней — еще одна: это наклеенная на папье-маше фотография ее отца, Михаила Тухачевского. Степан напяливает сверху военную фуражку — для большей достоверности.

Степан. Здравствуй, дочка! (*Орет.*) Ты еще не сдохла?

Света в ужасе отшатывается. Сеня-Петух ржет. А Света вдруг гладит «лицо» отца.

Света. Папа, папочка! А я знала, что ты живой. Я верила!

Она берет оторопевшего Степана за руку.

Света. Мы тут без тебя елку нарядили — смотри, какая красивая.

Сеня. Рехнулась...

Света. Пойдем посмотрим, я тебя с ребятами познакомлю. Пап, ну пойдем!

Степан приходит в себя и вырывает руку.

Степан. Дура, что ли? Какой я тебе папа?

Он сдергивает маску. Светлана тянется к ней.

Света. Отдай, пожалуйста, отдай.

Сеня выхватывает маску и поднимает высоко над головой.

Сеня. А ну-ка, отними!

Света пытается отнять — Сеня издевается над ней.

Сеня. Жучка, фас! Место! Голос!

Степан хмуро смотрит, как Света безуспешно пытается дотянуться, и сам отнимает у Сени маску, протягивает ей.

Степан. На, целуйся с ним.

Сеня дурашливо кукарекает и уходит. Света прижимает фотографию отца к груди. Степан неловко переминается, глядя на нее.

Света. Откуда она у тебя?

Степан. Со спектакля прошлого года. Я как раз про бату твоего читал. Кто ж знал, что он... А ты все-таки чокнутая.

Света молча разглядывает неровно приклеенную фотографию отца. Степан замечает, что к ним приближается Вера Валерьевна, толкает Свету в бок.

Степан. Выдра!

Света поспешно прячет портрет отца за спину.

Света (*удивленно*). Сыночку?
Маша (*не отвечая*). Всю получку грохнула. Ну не раздетым же ему ходить. (*Кашляет.*) Погода-то какая.

Света. Маша, а почему ты все время кашляешь?

Маша. Почему? А это у отца твоего спросить надо. Он нас газами-то травил. Ванечка мой тоже кашлял после газов-то этих...

Света. Какими газами, Маша?

Маша. А про Тамбов папка не рассказывал тебе? Неужто не похвастался, какие подвиги там совершал? Дома-то он скрипочки делал – такое культурное у него было развлечение. Справа ручья – слева скрипочки. Только разве перестает человек зверем быть, если за скрипочку схоронится?

Света. Тамбов? Там же восстание было. Против советской власти. Я не родилась еще.

Маша. Правильно, не родилась. А Ванечка мой родился – на беду свою. Ты хоть знаешь, что за восстание-то? Народ у нас с голодудох – отняли все: зерно, скотину, чтоб вас, городских, прокормить. Жрать было нечего... А антоновцы порядок хотели навести, за нас вступились.

Света. А почему же вы не жаловались?

Маша. А папка твой чего не жаловался? Глядишь, не расстреляли бы...

Света. Папу оклеветали.

Маша. Да хватит уже – оклеветали... Разобрались наконец во всем. Ты вот героем его считаешь, а какой он герой? Свой же народ душил. Пришли они в нашу деревню и согнали тридцать душ в амбар. Заложники, значит. Выдать должны были мы тех, что в лесу схоронились. А как же их выдать могли, если у одной сын там, у другой – брат, у третьей – отец? Полчаса прошло – все молчат. И тут они выводят на середину пять человек и расстреливают. Как скот. И среди них Алеша мой был – мы два года как поженились. Хорошо жили, Ванечку растили. Я заголосила по нему, меня отташили и говорят: еще через полчаса следующих шлепнем.

Бабы завывали: покойники лежат, никто их не выносит. Кровища... Ну, конечно, выдали всех. Схоронила я Алешу своего, взяла Ванечку и тоже в лес ушла.

Света. Маша, этого не может быть.

Маша. Что я тебе тут – сказки рассказываю? Все в лесу хоронились от папки твоего героя.

Света. Антоновцы были бандитами – нам на истории рассказывали.

Маша. Что вам там еще рассказывали? Люди жить хотели спокойно, а им не давали. Просто так разве в лес убежишь? Ванечка у меня грудной был. А молоко кончилось: я как Алешу увидела, глаза его стеклянные, так все. А Ванечка есть просит. Хорошо, у соседей корова была Ночка, они ее тоже с собой в лес взяли. Она нас и спасала. Потом снаряд в нее угодил. Пришлось добить. Зато детей накормили и сами – от пуза: неделю мясо ели. Ели и плакали. Ночка ж кормилица была, да и мучилась она шибко, как человек.

Света. Маша, это ужасно, что ты рассказываешь...

Маша. Папка твой грамотно все сделал: красных, как огня, стали бояться. Перебили они всех антоновцев, и деревенские потихоньку стали по домам возвращаться. Деваться-то некуда: лето в разгаре, а там огород брошен, зерно надо молотить, иначе зимой подохнешь. И мы уже с соседями думали к дому выбираться. А нас газами стали выкуривать. Немцы в войну ими врагов травили, а папка твой, значит, своих. На истории-то такого не рассказывали?

Света. Так они, наверное, бандитов хотели, а не вас?

Маша. Да не осталось там уже почти никого, а те, что выжили, – доходяги, хуже нашего были. Оружия у них уже не было. Он приказ отдал этими газами травить, чтобы лес поскорей очистить. Только мы живучие оказались – выбрались с Ванечкой, даром что этой дрянью наглоотались. Не вышло ничего у папки твоего. Вырос

мой сынок – мне на радость (кивает на костюм). Видишь какой – косая са-жень в плечах, меня на голову выше.

Света. Маша, так ведь не было у тебя сына, когда ты у нас жила, откуда же...

Маша цепенеет.

Маша. А почему тебе знать? В надежном месте я его схоронила, чтоб не достали вы его. Племя ваше подлое...

Света. И ребята мне говорили, что нет у тебя никого, потому ты такая злая. Но я-то знаю, что ты добрая, Маша...

Маша (*кашляет*). Ишь, змееныши... нету...

Маша склоняется над Светой, сжимает ее плечо.

Маша. А ты чего все выпытываешь – охмурить его решила? Для тебя, что ль, думаешь, растила его? Папка твой нас потравил, а самому-то – хоть бы хны. Женился, вон тебя родил... И жил бы дальше, упырь, если бы там не разобрались.

Света. Маша,пусти, больно!

Маша. Это тебе больно?! (*Кашляет.*) Это нам с Ванечкой было больно, Алеше моему больно, а ты тут... на белых прос-тынях...

Света испуганной рыбиной бьется в ее руках.

Света. Маша, ты что, Машенька? Ты же меня с детства...

Маша. Да не сразу поняла, в чей дом по- пала. А как поняла, отравить вас всех хотела.

Света. А как ты у нас оказалась?

Маша. Нас всех тогда выслали из деревни, а я сбежала с Ванечкой вместе. В Мо- скву попала случайно – увязалась там за одними. Ну а мамка твоя няню искала – вот и порекомендовали меня.

Света. Значит, Шарика – это ты...

Маша (*довольно*). Я. У папки твоего нюх был – почуял что-то. А так бы я вас всех еще тогда потравила. Я еще

Ванечке говорю: сдохнет маршал этот, как собака, а он смеется – заливается...

Света (*перебивая*). Да не было у тебя ника- кого Ванечки!

Маша (*кашляет*). Откуда тебе знать? Ты мала была совсем.

Света. Не было и сейчас нет. Все знают.

Маша (*растерянно*). Как же нет – смотри, какой я костюм ему купила.

Света. А распашонку ту – тоже ему, да?

Маша (*кашляет*). Не твоего ума дела.

Света. Просто зачем обманывать, если нет... Может, и газов никаких не было?

Маша (*кашляет*). Замолчи, тварь!

Света (*кричит*). И про папу ты все врешь! И сына себе придумала!

Маша приходит в бешенство, выдер- гивает подушку у Светы из-под головы.

Маша. Заткнись!

Света дотягивается рукой до ко- стюма, дергает за него и срывает с вешалки. Пиджан и брюки летят на пол.

Света (*кричит*). Нет никакого Ванечки! Нет!

Маша (*ревет*). Гадина!

Она накрывает голову Светы по- душной и начинает душить. Света пытается вырваться.

В палату заходит Степан. У него в руках – миска с супом. Увидев, что происходит, он роняет ее, под- летает к Маше и пытается оторвать ее от Светы, но это непросто. На- конец ему удается это сделать.

Маша (*кричит*). Пусты! Все одно придушу!
Степан. Дура! Чего творишь?

Света хрипит, откашливается, в ужасе смотрит на Машу, которая рвется к ней из рук Степана.

Маша (*ревет*). Ва-неч-ка, сынок!

Все погружается в темноту.

Утро нового дня. Весна.
Праздничная толпа оборачивается пациентами в одинаковых серых халатах, которые, как серые тени, гуляют по двору за высоким больничным забором.
Бледная и похудевшая после болезни Света подходит к воротам с надписью «Психиатрическая больница». Принагает к забору-решетке, высматривает ного-то взглядом и не находит. Нанонец видит чуть в стороне ото всех Машу, которая сидит у забора и новыряет детским совочком землю. Света подбегает к ней.

Света. Маша!

Та смотрит на нее мутным взглядом и не узнает. Света принагает к решетке, протягивает ей небольшой сверток.

Света. Машенька, возьми, пожалуйста.

Маша равнодушно берет сверток, разворачивает, достает кусок хлеба, начинает жевать.

Света. Я знаю, ты не нарочно это сделала. Ты же добрая, Маша. Я помню, как я в парке упала и заплакала, а ты меня утешала и на руках несла до самого дома.

Дожевав, Маша продолжает копать совочком ямку.

Света. Я много думала про папу. То, что ты рассказала, – это очень страшно. И я знала, что в Тамбове было что-то нехорошее. Я слышала, как тетя Оля, папина сестра, говорила маме... Когда его туда послали, он заперся у себя в комнате и двое суток пил. Она его таким никогда не видела.

Маша (*поет*). Придет серенький волчок и утащит за бочок...

Света. Маша, ты меня совсем не понимаешь?

Маша (*поет тише*). Ваня-Ванечка, дружок, не ложися на краю...

Света. Маша, я уже ничего не знаю и не понимаю. Но папы нет, и ответить он не может. А я живу... пока. И кроме меня, больше никому его защитить.

Маша поворачивается спиной к Свете и начинает копать совочком новую ямку.

Света. Я буду приходить к тебе, Маша, если ты позволишь. У меня ведь никого нет, кроме тебя. Никого.

Маша по-прежнему не реагирует, продолжая копать в земле. Вдалеке появляется Степан, который наблюдает за Светой, оставаясь для нее незамеченным. Однако подойти к ней он так и не решается.

* * *

1941 год. По радио гремит «Вставай, страна огромная!».

Повзрослевший, коротко стриженный Степан в военной форме пишет письмо.

Степан. «Света, здравствуй! Мы на передовой. Говорят, завтра пойдем в атаку. Я хочу, чтоб ты знала: того журавлика я сделал для тебя. А подарил Катьке, потому что тебе не решился. Света, я когда тебя видел, становился каким-то деревянным. Мне хотелось все крушить, лишь бы ты не заметила. Но ты, наверное, все равно заметила, ты ведь умная. Мне Сенька написал, что умерла Белена. Впрочем, ты просила называть ее Маша. Может, она, конечно, больная была, только я ей никогда не прощу того, что она хотела сделать. Здесь все по-другому видится. Потому что немцы совсем близко, каждый день кто-нибудь погибает, и никто

не знает, что будет завтра. И будет ли у нас это завтра.

Ты правильно угадала тогда: мой отец был кулаком. И перед смертью он мне строго-настрого наказал никому об этом не рассказывать. Всю семью нашу сгубили ни за что ни про что. Я думал, в этом виноваты вредители, враги народа – такие, как твой отец. А теперь уже не знаю, кто враг, а кто нет. Но если бы твой отец был жив, я бы просил его благословения. Света, ты выйдешь за меня, когда я вернусь? Степан».

* * *

От автора. Степан погиб смертью храбрых в кровопролитном бою под Москвой в сорок первом. Это было его последнее письмо, которое затерялось при пересылке. Время было такое. Так что Света так ни о чем и не узнала.

Тогда немцы подступали к Москве, катастрофически не хватало людей. Однако энкавэдшников не послали на защиту Первопрестольной: они были слишком заняты. Нужно было срочно уничтожить особо опасных преступников. Именно тогда были расстреляны матери Светланы Тухачевской и Владимеры Уборевич.

Света и Мира окончили курсы медсестер и тоже хотели пойти на фронт добровольцами, но им было отказано как неблагонадежным.

Их появление в Москве в 1944 году закончилось арестом и сфабрикованным делом за антисоветскую агитацию сроком на 5 лет в исправительно-трудовом лагере.

Катя окончила пединститут и осталась работать в Свердловске, вступила в партию и прошла путь от рядового учителя до директора школы.

Семен из-за своего строптивного характера попал в штрафбат, получил тяжелое ранение в 1943-м. Выжил, но остался инвалидом. После вой-

ны вернулся в родную деревню под Саратовом.

Светлана Тухачевская и Владимира Уборевич были реабилитированы в 1957 году. Всю свою жизнь Светлана посвятила восстановлению доброго имени отца.

